

Сегодня исполняется 50 лет со дня рождения Василия Макаровича ШУКШИНА. Предлагаем читателю одну из его неопубликованных работ. Статья эта включена в публицистический сборник писателя «Нравственность есть правда», подготовленный издательством «Советская Россия».

Известность, слава всегда заслоняют для нас человека в художнике — ведь мы судим больше о его произведениях, творчестве, а о нем самом говорим в последнюю очередь, пока не наступает время сказать самое сокровенное. Вероятно, это происходит потому, что при жизни говорить художнику о нем само бестактно. Да, пожалуй, и нелепо. О значении своем, конечно, художник знает задолго до первых восторженных критических замечаний, до аплодисментов и широкого признания. Помните, есенинское — «я о своем таланте много знаю...»?

Кинематограф впервые нас познакомил и облизал с Шукшиным, но и тогда он виделся большим художником всем, кто его знал, человеком с характером непримиримым, порывистым, настойчивым, честным. Об этом уже много написано. И будут писать, чтобы увидеть еще отчетливей человека нашего времени в художнике нашего времени...

Но память людская избирательна, что-то запоминается, а что-то нет, да и сами мы волей-неволей стремимся «дотянуться» до полюбившегося человека, о котором рассказываем, стараемся жизнью своей дотянуться. Дорасти по-человечески. Отсюда, может быть, невольно что-то присочиняем, стремимся быть искренними, но и интересными в то же время. Это живет в нас подсознательно, когда знаешь, что тебя будут читать многие. Шукшин это качество выкорчевывал в себе, идя прежде всего к истине. И в художественном творчестве, и в публицистике он шел к ней самым кратчайшим путем и умел здесь быть безжалостным и к себе, и к своим оппонентам. В этом еще раз убеждаешься, читая публицистику Шукшина, даже когда она отрывочна и не получила по каким-то обстоятельствам своего завершения.

Иван ЛАПИКОВ, актер.

«Я ТОЖЕ ПРОШЕЛ ЭТОТ ПУТЬ...»

Прочитал Вашу статью* «Требуя, товарищ вуз!». Она меня покорила. Настолько, что захотелось и мне тоже написать в газету. Вы значительно моложе меня и готовитесь некоторым образом пройти тот путь, какой прошел я: я тоже в прошлом сельский житель, оборвал учебу в 14 лет, работал разнорабочим, слесарил, служил. Десятилетку окончил экстерном. Потом тоже поступал в вуз. Поступил. Окончил. Это я к тому, чтобы разговор у нас получился свойский и час сразу же не влететь в разряд людей «не ищущих, философски не осмысливающих вопросы бытия». То есть самым наглым образом заявляю, что я — искал. Теперь — к делу. Разговор предстоит неприятный.

Статья Ваша — необдуманная. А если обдуманная, то тогда хуже: злая и преследует корыстные цели. Но скорей всего: слишком поспешили Вы заявить, что Вы — человек хороший и все понимаете правильно. С таким заявлением лучше не торопиться, ибо никогда не опоздаешь. (Не думаю, чтобы Вы ее, статью, еще и приурочивали ко времени вступительных экзаменов. Нет. Иначе не писал бы).

Давайте прочитаем статью вместе.

«Каких требований к себе я жду при поступлении в вуз? Считаю, они должны сводиться к трем критериям:

1. Высокая страсть к избранной профессии.
2. Интеллект, эстетическая культура.
3. Гражданственность».

Правильно. Их много, критериев. Вы это понимаете, а другие не понимают.

«Вероятно, все помнят парня из кинофильма «Председатель», который брал справку для поступления не в полиграфический, а... вы знаете, в какой институт. Подобное воробьиное отношение, к сожалению, не редкость».

Не поняли Вы фильма. Или по крайней мере этой части фильма. Не было у этого парня «воробьиного» отношения к высшему образованию. У него не было никакого отношения — это трагедия тех лет, это боль, боль, может быть, сегодняшняя тех парнишек, теперь взрослых людей. Им было не до того. А тут — воробьиное отношение. Легко Вы, сельский житель!

Приятели Ваши и теперь не сознают всей серьезности момента, когда нужно выбирать профессию. Например:

«Мой приятель как-то поделился со мной: — Хотел было тоже на филфак, да, елки зеленые, трамвай туда не ходит!.. Придется в химико-технологический... Будем химичить!

Теперь, приезжая в Краснодар и завидев «умную морду трамвая», я иногда повторяю: «Ай-ай, товарищ трамвай, как это вы из лириков делаете физиков?»

Не верю я в такого Вашего приятеля, хоть убейте. Такой не смог бы поступить в вуз. Это Вы — «ради красного словца». Он, наверное, пошу-

тил с Вами, приятель-то. А Вы всерьез «донесли» на него. Вообще, Вас окружают одни легкомысленные люди. Но Вы им, судя по Вашим словам, вправляете там мозги.

«— Но ведь есть и другие, — возразила мне одна девица. — Вот я, например, с восьмого класса страстно мечтаю овладеть профессией педагога.

— Мечтаешь?.. Страстно?.. И только?.. — спросил я».

Так и! Один вопрос: ее, ту «девицу», не удивила Ваша ирония? Поняла она ее по крайней мере? Я не мог.

А вот еще одна наваралась:

«А вот еще одна мечтательница — моя соседочка. Она простудила носик и пошла в поликлинику. Там увидела практиканток в белоснежных халатах, которым один больной (конечно, красивый юноша) тихо бормотал, когда они проплывали мимо него: «О белые лебеди, о белые розы». И вот после насморка у моей соседки появились лебединые мечтания стать «белой розой».

Я так понял: не надо было Вашей соседке говорить про красивого парня. Разоткровенничалась! Впредь умнее будет.

А вот это Вы совсем зря:

«Как видно, один современный поэт не напрасно так осторожен:

Если я заболел —
К врачам обращаться
не стану...»

Это глубокие слова. Они вырвались из груди человеческой в минуту тяжкую и прекрасную — когда человек в своей непосильной борьбе со смертью приподнялся над ней. Не часто пишутся такие слова. А Вы их так некстати, неумно сунули в статью. Рядом с «соседочкой» и «простуженным носиком». А пункт второй Ваш гласит: «Интеллект, эстетическая культура». Можно закрыть глаза на Ваше «...до утра засиживаться над толстыми книгами по садоводству и пить их с таким наслаждением, как пьют стихи». Или: «Когда я вижу такого садовода, я хочу сам превратиться в яблоню». Положим, неопытность. Хотя Вы ведь сели писать статью! Ну это ладно. Но Вы должны были почувствовать, что не надо так обращаться со стихами. А главное: что доказали-то этим? Ведь ничего. Только — что знаете их. Знаете, а не цените.

То шла речь о неразумных девицах. Но вот:

«Прошлым летом на своем консервном заводе мне пришлось работать с бригадой студентов, приехавших домой на летние каникулы из разных институтов и техникумов страны».

Дочитал это место, и у меня сердце сжалось: сейчас и этим достанется. Так и есть:

«Я, сельский житель, поначалу обрадовался им. Ожидал услышать массу новых, свежих мыслей, оригинальных суждений об экономике, о политике, о взаимоотношениях людей, о живописи, скульптуре, поэзии, о музыке — словом, встретить людей ищущих, анализирующих, философски осмысливающих вопросы бытия. Но... это оказались ребята с плоскими грубыми шуточками, с ве-

чными кривляниями, разговорами о «ножках», носочках, пластинках, гитаре, вине и т. д. и т. п. Никаких государственных чувств у будущих маршалов производства я не обнаружил».

Все такие? Вся бригада? Бросьте Вы. Уже одно то, что ребята-студенты в свои летние каникулы соорились в бригаду и пошли грузить, говорит о другом. Опять поспешили с выводом. Между прочим, брошенный на дороге ящик и Вас, штатного грузчика, касается, а не только «созревающих интеллигентов». Откуда, вообще-то, такая нехорошая снисходительность к этим «созревающим».

Это Вы про людей, которых встречали, знаете. Смотрите, сколько их с «воробьиным отношением», с «насморком», с «плоскими шуточками» и с «вечным кривлянием» — плохих потребовалось, чтоб доказать, что Вы — хороший: приятель — раз, девица — два, соседочка с простуженным носиком — три, да в бригаде студентов — 8—10 человек. Итого — 12—14 человек. 14 человек плохих на одного хорошего. Это много.

А вот про людей, которых Вы в глаза не видели:

«Если в 17—20—25 лет человек еще не пытался разобраться в сущности триады Гегеля, не знает Эйнштейна, не читал древних греков, не лез в недра, не расщеплял жизнь, не вникал в особенности течений современного искусства, если к 18—20—25 годам в человека еще не врывались ритмы старой и новой поэзии — зачем же тогда молодость?»

Тут и меня за живое задело. Честно признаюсь: в 17 лет «не пытался разобраться в сущности триады Гегеля, не лез в недра, не расщеплял жизнь». Я и в институт поступил в 25 лет. Но молодость мне все-таки была нужна.

Спрашивается, зачем надо было писать статью? Чтобы напомнить членам приемных комиссий, что поступающие должны отвечать изложенным в статье требованиям? Они это знают. Знают это и поступающие. Кто не знает, тот не поступает. Чтобы убедить, что где-то живет один хороший человек — автор, а вокруг него все несмышленишки и кривляки? Невозможно: так не бывает.

«Человек без цели не находит смысла в жизни, разочаровывается в ней, не успев очароваться, жалуется на скуку, томится бездельем в свободное от работы время, а потому начинает пить, забивать «козла», приобретательствовать, хулиганить — все симптомы обывателя».

Может быть, в этом рассуждении есть что-то свое, неожиданное, свежее? Нет. Это все знают, даже Вапа «соседочка». Не говоря уж о студентах — те даже «проходят» это. Зачем же?

А заключительного восклицания я совсем не понял:

«Лучше мы будем ошибаться по большому счету, чем делать успехи по малому!»

Но вот в чем присоединюсь к автору: «Требуя, товарищ вуз!»

Публикацию подготовила Л. Н. Федосеева-Шукшина.

*Письмо А. Шипулина, напечатанное в июле 1966 г. в одной из газет.